

продолжаетъ вѣрить въ него, и такимъ образомъ развращаетъ свой умъ, постепенно приучая его къ крайней непослѣдовательности, къ нелогичности, и этимъ самымъ вообще притупляетъ въ немъ способность чувствовать правду. И вотъ, нашъ выводъ содѣйствуетъ устраненію подобнаго разврата, ибо онъ прямо требуетъ отъ насъ отречься отъ непослѣдовательнаго матеріализма, вынуждаетъ насъ или увѣровать въ безсмертіе, или же сдѣлаться вполне послѣдовательными матеріалистами, то-есть, не вѣря въ безсмертіе, перестать вѣрить и въ смыслъ жизни, а съ нимъ и въ смыслъ обязательности нравственнаго долга, и если ужъ исполнять требованія нравственности, то не потому, чтобы имъ безъ вѣры въ безсмертіе можно было приписать какой нибудь смыслъ, а только потому, что это намъ пока еще нравится, или же потому, что мы издавна привыкли такъ поступать. Въ этомъ-то устраненіи привычки къ непослѣдовательному матеріализму, привычки, развращающей нашъ умъ, притупляющей въ немъ чувство правды, и состоитъ практическое значеніе нашего вывода.

